

А.А. ПОПОВ

Права народов и права людей

Автор статьи с либеральных позиций рассматривает один из важнейших вопросов политической теории – соотношение категорий “права человека”, “права народа”, “государство”, “общество”. Основной вывод: приоритетность прав человека в современном обществе безусловна, однако их гарантирует не народовластие, а государство, устанавливающее соответствующие нормы и законы.

Ключевые слова: народовластие, права человека, права наций, государство, общество, демократия, правопорядок.

The author declares liberal attitude toward one of the one of vital political theory question – interrelation of such categories as “human rights”, “law of nations”, “state” and, “society”. The main conclusion: human rights have absolute priority in modern society; however their guarantee is state, but not grass-roots democracy.

Keywords: sovereignty, human rights, law of nations, state, society, democracy, law and order.

В современном российском (да и не только российском) общественном сознании распространено мнение, что угроза свободам и правам индивидов может исходить только от государства – потенциального носителя деспотического начала, и никогда от народа, который имманентно стремится к свободе. Данная позиция многим кажется самоочевидной, но она требует уточнения. Хотя бы потому, что в большинстве тоталитарных доктрин субъектность государства принижена: формально оно выступает не столько как один из важнейших компонентов цивилизации, сколько как инструмент сохранения и доминирования подлинного субъекта истории – народа [Поппер, 1992, с. 76–77]. Отсюда адепты тоталитарных учений выводят постулат о необходимости принесения ему в жертву интересов отдельного человека. В каждой подобной теории термин “народ” толковался по-своему (“пролетариат”, “трудящиеся” – в коммунистических; “нация”, “раса” – в нацистских, и т.п.), но их идеологи, обретая власть, всегда поступали одинаково. Апеллируя напрямую “к народу”, к неким коллективным его началам, они в большей или меньшей степени изымали из государственного устройства все имевшее отношение к правам отдельно взятого человека.

Руссоизм как философская база современного тоталитаризма

Это не должно удивлять. Задолго до большевиков или нацистов Ж.-Ж. Руссо провозгласил, что “воля народа”, положенная в основу социального порядка, должна без остатка поглощать воли индивидов, ибо верховная власть (суверенитет) принадлежит народу, и именно как **целому**: “Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого” [Руссо, 1998, с. 208]. Из этой идеи французского философа адепты тоталитаризма вывели удобные для себя правила политического устройства общества: суверенитет народа

Попов Аркадий Алексеевич – ведущий аналитик группы “Меркатор”.

священен – долой частную собственность; суверенитет народа неделим – долой разделение властей; суверенитет народа неотчуждаем – долой парламент; суверенитет народа непрерываем – долой многопартийность. В том, что теоретическое обоснование по существу тоталитарной организации социума было разработано демократом, нет противоречия: если последовательно придерживаться позиции народного суверенитета, то автономии личности просто неоткуда взяться.

Цивилизаторская миссия государств в истории человечества и состоит в высвобождении людей из пут коллективистского общинного бытия, в переподчинении их более лояльным к автономии индивидов формам социальной регуляции, прежде всего правовым. Юридическая основа цивилизации выражена в законах государств и в заключенных ими международных пактах, стержень которых в наше время составляют нормы, защищающие права человека и ограничивающие всевластие “общей воли”. Современные конституции – суть своды фундаментальных ограничений такого рода. Поэтому тот же Руссо был противником конституций: “Нет и не может быть никакого основного закона, обязательного для Народа в целом” [Руссо, 1998, с. 210]. Эту мысль подхватил затем идеолог Великой французской революции Э.-Ж. Сийес: “Нация не может и не должна быть ограничена в своих желаниях конституцией... Народ не должен позволять опутать себя никакими обязательствами по отношению к кому бы то ни было” [Сийес, 2003].

Итак, “воля народа” выше права, но ее еще надо выявить из разногласия мнений. В отсутствие представительных органов это способны сделать, вероятно, народные вожди посредством погружения в сокровенные глубины народного сознания и чувствования. В этой связи небезынтересна такая мысль Руссо: “Общая воля всегда направлена верно и прямо, но... надо показать ей тот верный путь, который она ищет; оградить от сводящей ее с этого пути воли частных лиц... Частные лица видят благо, которое отвергают; народ хочет блага, но не ведает, в чем оно. Все в равной мере нуждаются в поводырях” [Руссо, 1998, с. 229].

И тут возникает парадокс. Суверенный народ в действительности не очень-то и суверенен, коль скоро передоверяет свой суверенитет “поводырям”. А на практике это может оборачиваться кровью. Руссо, возможно, к его счастью, не дожид до Великой французской революции, воплотившей его идеи. А И. Кант имел возможность наблюдать за ней с безопасного расстояния, что и позволило ему поставить на теории народовластия жирный крест: “Демократия в собственном смысле слова неизбежно есть деспотизм, так как она устанавливает такую исполнительную власть, при которой все решают об одном и во всяком случае против одного... это противоречие общей воли с самой собой и со свободой” [Кант, 1966, с. 269–270]. Из несовместимости неограниченного народовластия со свободой и достоинством человека вытекает, что с позиций либерального мировоззрения, для которого высшей ценностью выступает именно человек, справедливой может быть только власть законов. То есть, говоря словами Сократа, “что законно, то справедливо” [Ксенофонт, IV, IV, 12].

Развивая эту идею, Кант сформулировал принцип запрета незаконного вмешательства народа в функционирование государства: “Изменения в (имеющем изъяны) государственном устройстве, которые иногда требуются, могут быть произведены только самим сувереном путем реформы, а не народом, стало быть, не путем революции”. Факт, что любая революция незаконна, не опровергается ни злоупотреблениями властей, ни поддержкой революционеров народом: “Добиваясь таким образом своего права, народ совершает величайшую несправедливость, ибо этот способ (если принять его в качестве максимы) делает ненадежным всякое правовое устройство и приводит к состоянию полного отсутствия законности – *status naturalis*” [Кант, 1965⁶, с. 244–245; 92]. Кантовская идея, что порожаемый революциями *status naturalis* (естественное состояние. – А.П.) – зло, которого следует избегать, легла в основу современного международного права. Всеобщая декларация прав человека, например, упоминает восстание (революцию) как “последнее средство”, предупреждая о нем как об угрозе: “Необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения” [Всеобщая...].

Именно так к революции и надо относиться, учитывая, что за ее первой жертвой – законностью – неизбежно следуют и массовые человеческие жертвы, а стихия “народного возмущения” неизменно увенчивается тиранией. Не всякий закон хорош, но всякое беззаконие много хуже, особенно стихийное. Вождям Великой французской революции понадобилось всего четыре года, чтобы из романтических мечтателей превратиться в повязанных кровью членов Комитета общественного спасения. И в этом была логика: революционеры, объявив народ сувереном, не вывели на сцену воспетого Руссо “благородного дикаря” (во Франции XVIII в. таких не было), а мобилизовали под свои знамена “чернь”, жаждавшую крови и имущества “врагов народа”. Она и стала диктовать политику, залившую кровью Францию, а затем и пол-Европы.

Когда на рубеже XIX–XX вв. возникла наука политология, то произошло это усилиями ученых (в частности, Г. Моска и В. Парето), которые, отвергнув фикцию народовластия, сделали предметом научного анализа состав, организацию и эволюцию реально правящего слоя – “политического класса” (термин Моски) или “политической элиты” (термин Парето). Отмечая, что в истории всех стран правящие классы формировались по элитарным критериям воинской доблести, родовитости, богатства, образованности, Моска не отрицал необходимости обновления этих классов за счет низов, полагая такое обновление условием выживания и развития государства, а с ним и общества. Но он считал, что это должно осуществляться в режиме нормального функционирования государственных институтов [Моска, 1995, с. 138].

Труды Моски находились в СССР под запретом, поскольку советская доктрина отводила государству роль орудия КПСС. Но и в дореволюционной России антицивилизационные руссоистские эскапады и мечты о возврате к “природному состоянию” пользовались сочувствием самых разных “властителей дум” – от Н. Карамзина до Л. Толстого – по причине того, что в стране были очень сильны антиправовые общинно-патерналистские настроения. Как писал правовед Б. Кистяковский, “притупленность правосознания русской интеллигенции и отсутствие интереса к правовым идеям являются результатом застарелого зла – отсутствия какого бы то ни было правового порядка в повседневной жизни русского народа” [Кистяковский, 1992, с. 148]. В такой ситуации любое недовольство неудовлетворительным функционированием государства выливалось в иррациональную страсть к его разрушению.

Первопричиной этого феномена, по мнению Н. Бердяева, выступала идеология “народопоклонства”, характерного для отрицавших европейскую буржуазность “радикально настроенных интеллигентных и полуинтеллигентных людей”. Так что истоки антиправовой доминанты русского общественного сознания были связаны не только с изъянами российского государства, но и с самой традицией “народопоклонства”, одинаково присущей как левым, так и правым [Бердяев, 1990, с. 224, 227].

Понятно, что и Кистяковский, и Бердяев имели в виду не субъективно усматриваемое “моральное право” (к нему-то интеллигенты и полуинтеллигенты апеллировали охотно), а устанавливаемое законами государства позитивное (юридическое) право. И именно государство – не как простое “вместилище” народа и его орудие, а как активная сила, с помощью законов преобразующая его в сообщество граждан, осознающих и реализующих свои права и обязанности, и выступало в глазах “народопоклонников” злейшим врагом. Он должен быть либо уничтожен, либо, как минимум, подчинен воле и власти народа.

Право наций как политическая теория

О коммунистической версии “народопоклонства” написаны горы книг, и с ней все достаточно ясно. Иное дело – “народопоклонство” националистическое: именно через национализм, похоже, проходит сегодня главная линия атаки на права людей под флагом утверждения “прав народов”, их “самоопределения”, что делает рассмотрение этой проблемы актуальной.

С позиции международного права нация – сообщество граждан какого-то государства: все члены ООН суть государства, они же и нации. С этой позиции так называемое “национальное государство” – понятие-пустышка: раз всем государствам соответствуют свои нации, значит, любое государство можно считать национальным. А поскольку границы государств всегда и везде в истории устанавливались политиками и их полководцами и дипломатами, то из тождества нации и государства следует вывод, что **нация производна от государства**: все то население, что попадает в границы государства и оказывается под его юрисдикцией, и составляет его нацию.

С националистической позиции, наоборот, **государство производно от нации**, точнее, **должно быть** от нее производно, и лишь такое государство – “настоящее”, имеющее право на существование. Но что в таком случае есть нация сама по себе, в своем догосударственном бытии? Из трудов по национализму можно получить такой ответ: нация – это **народ, способный к созданию своего государства** (естественно, “национального”). То есть атрибутом нации признается наличие у какого-либо народа **государствообразующей потенции**. Природу же этой потенции и условия ее раскрытия разные националисты видят по-разному, чем и определяются разные версии их учения.

В первоначально возникших версиях нация – это народ, обладающий этнической спецификой, корни которой тянутся из древности, а государствообразующая потенция мыслится как данная от природы, хотя, бывает, и не сразу осознаваемая даже сынами этого народа. Согласно более поздним концепциям нация возникает лишь в индустриальную пору, там и тогда, где и когда под воздействием экономических и политических факторов народ созревает до нужных кондиций. Но во всех версиях процесс формирования “национального государства” видится так: сперва возникает нация на какой-то своей, негосударственной, основе (обычно языково-культурной, *de facto* этнической – к этому склоняются в конце концов и сторонники “индустриальной” версии [Gellner, 1983, p. 7; Яковенко, 1996, с. 117]), внутри чуждого ей государства или нескольких государств. Потом полностью “готовая” нация овладевает “своей” частью этого государства (или частями других государств). Такой процесс реализации имманентных якобы прав нации принято называть “национальным самоопределением”.

Если теории самоопределения, постулирующие негосударственную природу наций, зародились в европейской мысли в конце XVIII в., то доминировать они стали в XIX в. Подгонять границы государств под ареалы расселения народов, определяемых через “народный дух” и “национальный характер”, первым предложил немецкий философ И.-Г. Гердер: “Самое естественное государство – такое, в котором живет один народ, с одним присущим ему национальным характером” [Гердер, 1977, с. 250]. Эту мысль развил его соотечественник И.-Г. Фихте, призвав всех немцев объединиться в одно немецкое государство, очерченное “естественными” “внутренними” границами немецкоязычной общины: “Первые, изначальные и по-настоящему естественные границы государств – это, без сомнения, их внутренние границы. Те, кто говорит на одном языке... естественно образуют единое и неразрывное целое” [Fichte, 1846, S. 460]. Выражаясь современным языком, этнические границы общины следует сделать политическими границами государства.

Эта идея и стала с тех пор ключевой для всех националистов. Вымываться из европейского сознания она начала лишь после Второй мировой войны и не в последнюю очередь благодаря чересчур уж пугающему опыту ее приложения нацистами. Одним из первых, кто распознал в нацизме не аномалию, а закономерное развитие национализма был К. Поппер. Анализируя идейные истоки нацизма, он выделил поддожины питавших его идей, но первой назвал “национализм в форме историцистской идеи, согласно которой государство представляет собой воплощение духа (или, в современных терминах, крови) самозарождающейся нации (или расы)”. Психологическая основа национализма иррациональна – он “взывает к нашим племенным инстинктам, к страстям и предрассудкам, к нашему ностальгическому желанию освободиться от напряжения индивидуальной ответственности, которую он пытается заменить коллек-

тивной или групповой ответственностью”. Следовательно, доктрина национализма – принцип “национального государства” – миф, иррациональная и утопическая мечта [Поппер, 1992, с. 61, 64, 76].

Ныне этот миф поколеблен, но полностью не изжит даже в своей крайней версии, наделяющей нацию статусом самосознающего и самодействующего субъекта истории. “История предстает здесь, – пишет В. Малахов, – как абсолютный континуум, как неумолимое шествие нации к своему самоосуществлению в национальном государстве. Нация понимается как нечто изначально данное, всегда-уже-присутствующее. Она есть субстанция, ждущая своего развертывания... Национальное сознание рассматривается не иначе как приход всегда уже наличного субъекта к своему самосознанию”. Однако общество, в отличие от личности, не имеет качества субъективности. “Субъективность” – атрибут индивида, не коллектива, и приписывать ему статус субъективности, то есть говорить применительно к коллективу о “сознании, волении и чувствовании” можно разве что метафорически [Малахов, 1998]. И это тот случай, когда ложность теоретической гипотезы оборачивается крайне опасными практическими последствиями. Вера в руссоистский миф о субъектности коллектива (притом верховной, стоящей над субъектностью индивидов) чревата **реальным подавлением субъектности людей**.

В условиях России это особенно опасно, учитывая выработанную за 70 советских лет привычку подчинять личность коллективу – “классу” и “народу”. Ныне классовый подход уже не в чести, но “народ” никуда не делся! Надо только перенести акцент с его классовой структуры на этническую, а дальше – как учили. Но даже марксистская теория не так лицемерна, как националистическая. К. Маркс и В. Ленин хотя бы открыто признавали **неправовое** насилие над представителями непролетарских классов. Адепты же учения о “национальном государстве” постоянно ссылаются на право, обставляя его пышными эпитетами (“естественное право народов”, “историческое право наций”).

Между тем в современном мире этнологи насчитывают около 7 тыс. живых языков [Ethnologue, 2009], носителей которых никто не может лишить права считать свои общности самостоятельными этносами. Не все эти группы борются за самоопределение, но все же по некоторым подсчетам в мире ныне действуют более 50 сепаратистских движений, а очаги сепаратистских конфликтов занимают в общей сложности территорию в 12,7 млн км² с суммарным населением в 288 млн человек [Заяц, 2004, с. 36, 38]. Допустим, что власти “многонациональных” государств проникнутся идеей “национального самоопределения” и допустят создание на подведомственных им территориях всех чаемых сепаратистами “национальных отечеств”. Но в границах последних наверняка тут же заявят о себе новые этнонации (как это произошло после развала СССР с талышами и карабахцами в Азербайджане: с абхазами и осетинами в Грузии; с гагаузами в Молдавии, с крымскими татарами на Украине).

Националистическая сецессия заведомо не способна реализоваться как правовой принцип, отвечающий кантовскому категорическому императиву (“поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом” [Кант, 1965^a, с. 260]). Самоопределение путем сецессии либо обречено на самоотрицание в результате бесконечного дробления территории на этнонации размером с деревню или городскую квартал, либо реализуемо только как привилегия для одних в ущерб интересам других, не желающих выделяться в отдельную нацию или, наоборот, образовать таковую в рамках более крупного сообщества на политической или конфессиональной основе. Д. Неру писал об этом в середине XX в. применительно к политике раздела постбританской Индии: “Предоставляя свободу отделения одной группе, мы в то же время лишаем другие группы, хотя и находящиеся в меньшинстве, этой свободы и вынуждаем их изолироваться от остальной Индии вопреки их ясно выраженным горячим желаниям. Говорят, что в вопросе о разделе должно возобладать мнение большинства (религиозного) в каждом районе. Так почему же точка зрения большинства не должна решить этот вопрос для

всей Индии? Или почему бы каждому крошечному району не решить самостоятельно вопрос о своем независимом статусе и не создать, таким образом, огромное число небольших государств, что привело бы к совершенно невероятным и фантастическим результатам?” [Неру, 1989, с. 412–413].

Вопрос Неру повис в воздухе прежде всего потому, что ответ не был удобен вождям “национального самоопределения” и шел вразрез с господствующими умонастроениями. Между тем еще в XIX в. тупиковость идеи самоопределения наций через сецессию была ясна. “Современная теория национализма, – писал британский либерал Д. Актон, – в корне противоречит правам и интересам наций. Настаивая на национальной независимости, на том, что у всякой нации (точнее, этноса. – *А.П.*) в принципе должно быть свое государство, она тем самым ставит в подчиненное положение любую другую нацию, оказывающуюся в границах национального государства. Она в принципе не может допустить равенства национальных меньшинств с основной нацией, образовавшей государство, ибо при этом государство перестает быть национальным, то есть вступает в противоречие с основным началом своего существования” [Актон, 2002, с. 49].

Теория, в основание которой заложено столь фундаментальное противоречие, обнаруживает свою несостоятельность во всех аспектах и приложениях. Хотя действия “строителей национальных государств” направлены будто бы на приведение границ этих государств к границам своих этносов, сказать, что строители брезгуют землями, заселенными чужими этносами, было бы преувеличением. Крым никогда не был заселен преимущественно украинцами, а Гальский район Абхазии – абхазами. Но предложите украинским и абхазским националистам отдать России и Грузии эти чужие земли, и вы сильно оскорбите их национальное чувство: это – не чужие, а **наши “кровные”** земли, которые входили в состав **нашей** Украинской ССР, **нашей** Абхазской АССР!

То есть, с одной стороны, борцы за “национальное самоопределение” доказывают: нация – это самобытный этнос, под который и строится национальное государство, и поэтому во всей Украине, включая русскоговорящий Крым, государственным языком может быть только украинский. А с другой стороны, те же борцы разъясняют: нация – это все население государства в границах бывшей колонии, и поэтому Крым должен оставаться в составе Украины.

Когда предводители восстания 1830 г. в Царстве Польском, находившимся тогда в составе России, послали переговорщиков к Николаю I, главным из выдвинутых ими условий мира было включение в состав своей страны оставшихся за ее пределами “восточных воеводств” (литовских, белорусских и украинских областей Российской империи, когда-то входивших в Речь Посполитую). То, что в большинстве этих областей преобладало непольское население, не жаждавшее воссоединения с Польшей, для вождей восстания значения не имело, невзирая на то, что их целью было освобождение поляков от ига иноязычных оккупантов. Венгерская революция 1848 г. тоже была мотивирована национально-освободительными устремлениями, но это ничуть не помешало революционному правительству Л. Баттьяни – Л. Кошута отказать хорватам, словакам, сербам, румынам в реализации их скромных притязаний на языково-культурную автономию. Революционный сейм объявил венгерский язык единственным официальным языком в Венгерском королевстве, и для усмирения не согласных с этим Будапешт не остановился перед отправкой в провинцию карательных войск!

Принцип приведения государственных границ к этническим можно считать принципом национализма лишь с оговоркой: он действителен как лозунг, мобилизующий соплеменников, и как доктрина, должная легитимизировать национализм в глазах своей и мировой общественности. Но этот принцип лжив: цель вождей самоопределения – создать государство, где они станут у руля власти, а их этнос, возведенный в ранг “нации”, будет господствующим. Националисты утверждают, что переход к “национальным государствам” есть неумолимый закон истории. Но закон, не подтверждаемый фактами, – вымысел. Факты же говорят о том, что государства создаются не нациями, а политиками и политическими организациями, представляющими государ-

ственную власть или борющимися за обладание ею. И не бывает так, чтобы границы государства определялись ареалом расселения какого-то этноса, да оно и невозможно из-за размытости границ этнического расселения и самого понятия “этнос”. В юридических же вопросах важна строгость, опирающаяся на принцип международно признанных государственных границ. Сколь ни произвольно они нарезаны, это единственное, что разделяет, скажем, Россию и Украину и, соответственно, российскую и украинскую нацию. С этносами так не выходит. Мегрелы и сваны, не забывая о своей идентичности, относят себя также и к грузинам, эрзя и мокша – к мордве. А есть еще мозаичность расселения, смешанные браки, миграции и вызванные ими смешения народов с вытекающим отсюда изменением представлений о них и об их исторических территориях. Как тут проводить границы “национальных государств”?

Таким образом, учение о “национальном государстве” лживо сразу в нескольких аспектах. Прежде всего его адепты делают вид, что не понимают: идея национального государства не может быть реализована для всех претендентов, реализация права на создание такого государства для одних неизбежно отрицает такое же право для многих других. И это значит, что они хотят для себя **не права, а привилегии**. Отсюда вторая ложь: хотя декларируемой целью “национального самоопределения” объявляется (этно)национальное государство, в условиях сложившейся этноязыковой и конфессиональной гетерогенности действительная, хотя и неафишируемая его цель – этнократия.

“Национальное самоопределение” и права человека: политическая практика

Итак, для националистов основной вопрос теории наций выглядит следующими образом: “нация первична – государство вторично”. Вытекающее отсюда игнорирование ими международно признанных “чисто политических” границ государств – проявление присущего всем “народопоклонникам” правового нигилизма, который в полной мере распространяется и на права человека. Самые вопиющие формы их попрания демонстрирует классический национализм, и дела не меняет то, что сторонники разных его версий немного по-разному видят этническую природу нации. И те, кто упирают на “кровь”, и те, кто определяют нацию через язык, религию, традиции, едины в отрицании за людьми права устраивать свою жизнь на основе цивилизационного выбора, опираясь на институты и законы государства. В полном согласии с учением Руссо лидеры националистов навязывают себя в качестве поводырей, призванных открыть людям глаза на их истинную природу и истинное счастье. Природа эта видится им как этноколлективистская, а счастье – в подчинении ей политической идентичности людей посредством “национального” госстроительства. Считается, что зрелость нации можно повысить направленными мерами, что и составляет главный смысл “национального возрождения”.

Культурная компонента такого “возрождения” часто отдает архаикой (что само по себе ни хорошо, ни плохо), но для “поводырей” восстановление стародавних традиций (и/или языка) – средство побудить соплеменников “вспомнить о величии своего народа” и о врагах-соседях, это величие некогда злодейски отнявших. Нужный материал в истории всегда найдется, если не в новой, то в древней. Таким путем закладывается идейная основа борьбы за национальное освобождение, вокруг которой сначала формируется “национальное движение”, а далее борьба переводится в русло политических и, если надо, военных действий [Милосавлевич, 2010].

“Национальное возрождение” (“освобождение”, “движение”) – эти слова можно брать в кавычки или не брать, смотря по тому, готовы ли мы принять на веру главное основоположение националистической классики – существование тянувшихся через века этносов-наций (этнонаций). Приходится напоминать, что данное основоположение произвольно: современные русские (немцы, греки и т.д.) настолько отличаются обычаями и даже языком от своих предков, что часто нет достаточных оснований

объединять их в общий этнос, отделяя от всех “иноэтничных” вкраплений. Ничего, кроме желания подвести историческую базу под политическую доктрину “национального освобождения”, за этим не стоит. Как пишет американско-канадский политолог Б. Як, “чтобы представить этническое сообщество в качестве стандарта политического сообщества, этнонационалистам приходится... утверждать, что мы можем свести наши культурные идентичности к некоему определенному этническому сообществу... что даже там, где почти нет никаких следов этнического сознания, эти сообщества сохраняют свой первоначальный характер, ожидая, подобно спящей красавице, пробуждения от поцелуя национальных притязаний” [Як, 2006, с. 165].

Обеспечить “поцелуй” – задача “национальных движений”, и они ее часто выполняли, увлекая массы на национально-освободительную борьбу. Но еще чаще в роли “освободителей” выступали армии чужих государств (вспомним судьбу Австро-Венгрии после Первой мировой войны, а спустя 80 лет – Югославии). И никогда не было так, чтобы за освобождение не приходилось платить обильными человеческими жертвами. Даже в тех случаях, когда участие цивилизованных держав вроде бы должно было предотвратить варварские эксцессы, национальное освобождение сопровождалось этническими чистками (“освобождение” косовских албанцев с помощью войск НАТО привело к бегству из Косово 150 тыс. сербов и 130 тыс. цыган [Акопян...]). Там же, где идея “национального государства” реализовывалась стихийно, последствия были хуже. Цена, заплаченная после Первой мировой войны за создание турецкого, греческого и прибалтийских национальных государств, – это 400 тыс. турок, выселенных из Греции в Малую Азию, 1,2 млн греков, перемещенных в обратном направлении, около 1 млн балтийских немцев, выдвинутых в Германию из мест, где жили их деды и прадеды [Полян, 2001, с. 30–31]. Точно так же в ходе распада СССР абхазская нация “освободилась” от более 200 тыс. грузин, армянская – от почти 200 тыс. азербайджанцев, азербайджанская – от порядка 300 тыс. армян [Мукомель, 1997, с. 314]. Примерно 2,5 млн человек, в основном русских, выдвинутых в период 1989–1994 гг. из новых государств Средней Азии, отнести к добровольным мигрантам тоже трудно [Кульбачевская, 1997, с. 477].

Сказать, что все эти чистки не были попранием прав человека, можно лишь при условии очень вольного обращения с этим понятием. Но у такого обращения есть свой псевдоюридический базис – провозглашение В. Вильсоном доктрины “права наций на самоопределение” в качестве основного принципа международных отношений в период Версальского мирного урегулирования (знаменитые “14 пунктов Вильсона”). Впрочем, когда дело коснулось конкретных народов, американский президент подошел к упомянутому праву очень избирательно. Он настаивал на его применении исключительно в отношении народов поигравшего войну Четверного союза – полякам, чехам и словакам, южным славянам, одновременно игнорируя аналогичные интересы немцев, проживавших в Чехословакии, Италии и Прибалтике; венгров – в Румынии и Сербии; украинцев – в Польше, и т.д.

Сколько выиграл мир от такого передела, выяснилось очень скоро, как только стало видно, чего стоят созданные на руинах побежденных империй “национальные государства”. Единственным фактором, который мог сохранить их государственность, стал авторитарный национализм. Для этого достаточно проследить хронологию установления национал-авторитарных режимов в этих странах: 1919 г. – Венгрия, 1923 г. – Болгария, 1926 г. – Польша и Литва, 1929 г. – Югославия. В 1930-х гг. наступила очередь Финляндии и остальных Прибалтийских государств. Таким образом, задолго до прихода А. Гитлера к власти в Германии агрессивный национализм уже победно шествовал по Восточной и Южной Европе (подробнее см. [Сироткин, 2003]).

Но вильсоновская квазиправовая новация очень помогла и самому Гитлеру, сыграв далеко не последнюю роль в легитимизации его “умиротворения”. Как подчеркивает американский социолог Р. Брубейкер, “неудобная правда состоит в том, что во время Мюнхенского соглашения 1938 г. расчленение Чехословакии путем отделения земель судетских немцев от остальной страны оправдывалось в Великобритании – а не только

в Германии – именно национальным самоопределением” [Brubaker, 1998, p. 261]. Судеты, как и Австрия, были территорией немецкоязычной, и аншлюс последней вполне вписывался в принцип “национального самоопределения”, как и “воссоединение с Германией” в 1939 г. принадлежавшего Литве немецкоязычного Мемеля. Примеры такого рода можно продолжать до бесконечности, однако важнее подчеркнуть другое: доктрина Вильсона вне зависимости от намерений ее автора фактически стала индульгенцией агрессии.

В настоящее время националисты предпочитают не афишировать свою готовность пренебречь правами человека и защищающим их международным правом. Но раз границы “своей” нации в их глазах не совпадают с существующими границами стран, и если ими ставится задача привести их к конгруэнтности – значит, в новом, “правильном” пространстве для тех, кто в него не вписывается, не остается места. Поэтому даже в старой Европе XX в. имели место и геноцид, и этнические чистки. Применялась в ней и практика принудительной ассимиляции, которую длительное время проводила, скажем, Франция. В этой стране на протяжении полутора столетий действовал введенный еще якобинцами запрет на все нефранцузские языки и диалекты (*patois*), которые изгонялись из школ, издательств и учреждений культуры. Между тем “даже в середине XIX в., по крайней мере, четверть населения (Франции. – А.П.) не говорила по-французски, а *patois* часто были настолько далеки от французского, что путешественнику не у кого было спросить дорогу”. Лишь путем насильственного офранцузивания носителей *patois* французским властям “удалось, хотя только к концу XIX в., утвердить французский как единственный и единый язык высокой культуры для всей территории Франции, что позволило им в XX в. создать национальный миф о естественности, совершенной добровольности и давности этого состояния” [Миллер, 1997].

Ныне европейские демократии, связанные либеральными конституциями и международным правом, вроде бы избавились от подобных эксцессов. Но **идеал** “национального государства” в общественном мнении Запада **не дезавуирован**. Свидетельство тому рост сепаратизма не только в традиционных его оплотах (Стране Басков, Каталонии, Шотландии, Корсике), но и во Фландрии, Нормандии, северных провинциях Италии и т.д. Это неизбежно сказывается на политике незападных стран: если европейцам и американцам можно было еще недавно “расчищать жизненное пространство” для своих наций, то почему нельзя поступать точно так же сегодняшним азиатам и африканцам? И в этом контексте учиненное в Руанде в апреле–июне 1994 г. избиение народа тутси народом хуту – не некий трагический эксцесс, а закономерный итог реализации идеи “национального государства” на африканской почве. В новейшей истории Африки и Азии немало аналогичных, хотя и не столь чудовищных примеров “решения национального вопроса”: в Танзании – в отношении арабов, в Уганде – индийцев, в Кампучии – вьетнамцев.

Права людей и современное государство

Беглый историко-географический обзор реализации нациями своих “исторических” и иных “неотъемлемых” прав позволяет сделать вывод: в тех странах, где действительно уважаются права отдельных лиц/меньшинств, это происходит не потому, что там напрямую правит народ, а потому, что там верховенствует **либеральный закон, защищаемый государством**. Демократию знали и первобытные общины; либеральное же отношение к людям стало утверждаться только в государствах: “Свобода появляется в этом мире в государственно-правовой форме, а возникновение права и государства как раз знаменует собой это бытие свободы в жизни людей” [Нерсесянц, 1999, с. 234]. И чем более продвинутом в экономическом, техническом, культурном плане становилось государство, тем сильнее благодаря этому отрывалось оно от “крови и почвы”, тем последовательнее “народническое мирозерцание” вытеснялось

юридическим правосознанием и тем больше автономии и защиты от насилия обретали индивиды.

Магистральный путь, которым следует цивилизующееся человечество, – развитие и утверждение позитивного права. Источником и защитником права, как внутреннего, так и международного, выступает государство, и его главная функция заключается в том, чтобы правовыми средствами “преобразовывать народ в общество”. Верно, что многие государства с этой функцией плохо справляются, и Россия в их числе. Но странно думать, что государство тут может быть заменено самим народом или самим обществом, пусть и гражданским. Общество является гражданским в той мере, в какой его члены являются активными гражданами государства, соблюдающими его законы и защищающими их от любых посягательств, в том числе со стороны недобросовестных чиновников, то есть **защищающими самое государство**. И справедливо требуя расширения свобод, нельзя забывать о революционной угрозе “освобождения народа от государства”.

Разумеется, речь тут не идет об “оранжевой угрозе”, которой пытается запугать граждан России жульничающая с избирательными урнами правящая корпорация. Главная угроза жизненным интересам россиян находится сегодня внутри страны. Это коррупционное гниение государственных институтов, закономерно воспроизводимое авторитарной властью (чем меньше у людей возможности жить по законам, тем больше у них готовности жить “по понятиям”). Среди недовольных коррупцией есть коммунисты и националисты, но ориентироваться на союз с ними – ввиду известных особенностей их правосознания – опасно. И особенно опасны игры с “самоопределением русского народа”, прямым ведущие к разрушению полиэтнического российского государства.

Самоопределение нации, если это выражение вообще имеет смысл, может быть только самоопределением составляющих ее людей – в рамках их законных прав и обязанностей, установленных в государстве, образующем данную нацию. Если существующие правовые рамки кого-то из граждан – членов нации, не устраивают, он вправе пытаться их изменить, но лишь законными способами: посредством выборов нового парламента, способного реформировать законодательство в требуемом направлении. А в случае отказа властей обеспечить на таких выборах надлежащую законность – и посредством митингов, демонстраций и любых иных законных протестных акций. “Давить” на государственных мужей, критикуя и контролируя их действия, можно и нужно. Нельзя только “крушить” государство, ломая его границы, институты и законы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Актон Д.* Принцип национального самоопределения // *Нации и национализм*. М., 2002.
- Акопян А.* Кому платить по косовскому счету? (<http://www.globalrus.ru/opinions/783265>).
- Бердяев Н.* Собр. соч. Т. 4. Париж, 1990.
- Всеобщая декларация прав человека (http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml).
- Гердер И.-Г.* Идеи к философской истории человечества. М., 1977.
- Заяц Д.* Географические принципы сепаратизма // *Проблемы геоконфликтологии*. Т.1. М., 2004.
- Кант И.* К вечному миру // *Кант И.* Соч. В 6 т. Т. 6. М., 1966.
- Кант И.* Метафизика нравов // *Кант И.* Соч. В 6 т. Т. 4. Ч. II. М., 1965⁶.
- Кант И.* Основы метафизики нравственности // *Кант И.* Соч. В 6 т. Т. 4. Ч. I. М., 1965^a.
- Кистяковский Б.* В защиту права (интеллигенция и правосознание) // *Интеллигенция – Власть – Народ. Русские источники современной социальной философии*. М., 1992.
- Ксенофонт.* Воспоминания о Сократе. Кн. IV (<http://ancientrome.ru/antlitrr/ksenoph/socratic/kn04f.htm>).
- Кульбачевская О.* Миграции как индикатор конфликта // *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах*. М., 1997.

Малахов В. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. 1998. № 2 (<http://intellectuals.ru/malakhov/izbran/8ident.htm>).

Миллер А. Россия и русификация Украины в XIX веке // Россия–Украина: история взаимоотношений (<http://litopys.org.ua/vzaimo/vz12.htm>).

Милосавлевич О. 1918 год: “освободители” и “побежденные” (методологические предпосылки исследования национальных стереотипов) // Общественные науки и современность. 2010. № 5.

Моска Г. Элементы политической науки // Социс. 1995. № 5.

Мукомель В. Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: людские потери, экономический ущерб и социальные последствия // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997.

Нерсисянц В. Общая теория права и государства. М., 1999.

Неру Д. Открытие Индии. Кн. 2. М., 1989.

Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. М., 1992.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998.

Сийес Э.-Ж. Что такое третье сословие? // Аббат Сийес: от Бурбонов к Бонапарту. СПб., 2003 (<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/QTE.htm>).

Сироткин В. Зарубежные Клондайки России. М., 2003.

Як Б. Миф гражданской нации // Прогнозис. 2006. № 2.

Яковенко И. От империи к национальному государству (попытка концептуализации процесса) // ПОЛИС. 1996. № 6.

Brubaker R. Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism // National Self-Determination and Secession. Oxford–New York, 1998.

Ethnologue: Languages of the World. Dallas, 2009 (http://www.ethnologue.com/ethno_docs/introduction.asp).

Fichte J.-G. Reden an die deutsche Nation. Berlin, 1846 (<http://gutenberg.spiegel.de/buch/411/14>).

Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca–New York, 1983.

© А. Попов, 2013